

8. Николаевский Б. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. Берлин, 1932.
9. Попкова М. Д. Культура XX века: кризис самоидентичности и проблема границ // Вестник Челябинского государственного университета. Философия, Социология, Культурология. Челябинск, 2012. Вып. 22 (276).
10. Пушкин А. С. Полное собр. соч.: в 10 т. М.: Наука, 1964. Т. V.
11. Рорти Р. Случайность. Ирония. Солидарность. М., 1996.
12. Тлостанова М. В. Исследования пограничья/VS пограничное (со)знание, мышление, творчество // Вопросы социальной теории. 2012. Т. 6.
13. Хейердал Т. Цитаты: сайт. URL: <http://citaty.info/quote/man/86665>
14. Цветаева М. И. Собр. соч.: в 7 т. М., 1994. Т. 2.
15. Штёльтинг Э. Социальное значение границ // Кочующие границы: сб. статей по материалам международного семинара (Нарва, 12–16 ноября 1998 г.) / под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова. СПб., 1999. Труды. Вып. 7.
16. Янцен В. Предательство как проблема индивидуальной памяти и исторической традиции // Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии. Т. 12. Вып. 2. СПб., 2011. С. 242: сайт. URL: <http://www.ergojournal.ru/?p=149>
17. Chelsea Manning Awarded Sam Adams Integrity Prize for 2014: сайт. URL: <http://www.privatemanning.org/featured/chelsea-manning-awarded-sam-adams-integrity-prize-for-2014>

Ю. В. Сарычев

**Феномен «нового человека» в культуре XX века:
предварительный анализ**

УДК 008+34

Феномен «нового человека» имеет глобальное и локальное социально-антропологическое значение. В глобальном смысле он является следствием процессов социально-экономической модернизации. В локальном смысле идея «нового человека» складывается в рамках идеологии тоталитаризма.

Ключевые слова: новый человек, антропология, глобальные процессы.

Yu. V. Sarychev

The phenomenon of the “new man” in the culture of the twentieth century: a preliminary analysis

The phenomenon of the “new man” has global and local socio-anthropological significance. In global terms, it is a consequence of the processes of socio-economic modernization. In the local sense, the idea of the “new man” formed under the totalitarian ideology.

Key words: new man, anthropology, global processes.

Феномен, от греческого *phainomenon* – «являющееся», представляет собой философское обозначение явления, постигаемого в чувственном опыте. Отсюда представленную для рассмотрения тему можно было бы обозначить как проявления «нового человека» в социокультурном пространстве России XX в., причем проявления, обусловленные глобальными социально-антропологическими процессами.

В широком смысле слова, подобная постановка вопроса о проявлениях «нового человека» может являться частью общей философской проблемы человека, которую изучает специальная дисциплина – философская антропология. В узком же, прикладном смысле изучение феномена «нового человека» в определенных временных и общественно-исторических, организационных и территориально-географических рамках может послужить для понимания как примерной направленности, так и вероятной вариативности развития соответствующей изучаемой культуры. Последнее – узкое, прикладное понимание – является предметом заинтересованности в настоящей статье.

В контексте нашего исследования словосочетание «новый человек» употребляется как понятие, существенно характеризующее человека в качестве творца и, одновременно, в качестве продукта культуры XX в. в целом и культуры России XX века в частности. Вместе с тем следует отметить, что понятие нового человека имеет смысл не только в контексте некоей новой культурно-антропологической реальности, конструируемой системами социальных практик середины XX в., но предстает как конституирующий эти практики идеомиф – «метасимволика культуры», «надконцептуальный уровень вторичной образности, определяющий... на прагматическом уровне жизнь человека и его самоидентификацию» [8: 76].

Понятие «культура» трактуется нами в соответствии с подходом Питирима Сорокина («Социальная и культурная динамика...» [7]), а

также с учетом общей характеристики культуры – ее строения и функций, определенных Моисеем Самойловичем Каганом [4]. В работе М. С. Кагана речь идет о системном подходе применительно к анализу культуры, и об исходном определении культуры как сложного, имманентного человеку феномена, возникающего в ходе трудового освоения субъектами (человеческими сообществами) мира объектов (природы). Базовое значение, по нашему мнению, имеет также круг понятий, разработанных Карлом Ясперсом в его работе «Смысл и назначение истории» [12], – таких как осевое время, идея радикального влияния на жизнь и организацию человеческих сообществ науки и техники, соотнесение науки, техники, организации, общественного планирования.

Таким образом, работа по определению понятия «нового человека» как творца и результата культурного процесса (что означает – «свою сущность мы создаем сами» [6], а, следовательно, мы в состоянии постигать и ее самое и перспективы ее развития), может оказаться весьма значимой для понимания обстоятельств жизни регионального сообщества.

В постановке целей и задач исследования «нового человека» в культурном контексте России XX в. обнаруживаются значительные проблемные места. Прежде всего, речь идет о том, что создание, или, по-другому, «производство человека» [10] нового культурно антропологического типа или «нового человека» в XX в. составляло практическую сверхзадачу, по крайней мере, двух породивших историческую драматургию данного столетия человеческих сообществ – национал-социалистической гитлеровской Германии [9: 504–529] и интернационал-социалистического СССР [5]. В то же время материалы отечественной научной рефлексии по данной тематике значительно отставали и отстают от практической культурно-антропологической повестки столетия. Причиной нам видится тот факт, что общественные и политические институты тоталитарной советской России (как и нацистской Германии) культивировали в гуманитарно-культурной среде жесткий государственный идеологический заказ на производство исключительно своего проекта «нового человека» [3] при одновременном жестком идеологическом контроле (административно-идеологической селекции) в антропологическом знании. Другое затруднение исследований в этой области состоит в том, что «в 1970–80-е гг. под влиянием современной социальной истории наука в ос-

новном интересовалась более общими процессами и структурами. Поток исследований, порожденных этим подходом, неизмеримо продвинул вперед наше понимание. Но в погоне за пониманием мы практически упустили из виду реальных людей» [9: 10]. Поэтому одной из задач исследования феномена «нового человека» в культуре России XX в. должен стать возврат общей социально-антропологической картины региона и России, включая не только групповые, но и, тем более, индивидуальные характеристики отдельных лиц, их мыслей, поступков, широких неофициальных биографий. И здесь возникает третье затруднение исследовательской тематики «нового человека» – необходимость избегания категорических этико-моральных оценок, поскольку, занимаясь историко-культурным исследованием, нельзя позволять себе роскошь морализаторства, на которое может побуждать исследовательская самонадеянность и высокомерие при анализе пластов личной биографической информации. Коллизия живого деятельного начала в человеке, рвущемся за рамки морали в попытке выразить живое культурно-историческое течение, непроста. Но она разрешима, принимая во внимание взгляд В. С. Библера на различие морали и нравственности. «Моральное» понимается исследователем как догматы, нормативные скрепы, закрепленные извне (в качестве моральных кодексов) и изнутри (в императивах добра) – они обеспечивают повседневный автоматизм человеческой жизни. «Нравственность» трактуется В. С. Библером как деятельный, поступковый порыв свободной личности в безвыходных перипетиях бытия [1: 7], где именно деятельная нравственность, проявляющаяся в перипетиях человеческого выбора, в безвыходных обстоятельствах и определяет собой смысл культуры. XX век нашей планеты и представляет собой вмещающий контекст того, что звучит у В. С. Библера как «безвыходные перипетии свободного личного поступка». «Этот век – эпоха мировых войн, мировых революций, мировых контрреволюций, мировых тотальных диктатур, мировых концлагерей нашего времени. Все эти мировые потрясения изменяют судьбы многих миллионов людей, но каждого из них выбивают из готовых бытовых и социальных матриц, оставляют наедине с самим собой. И, может быть, основное. Это эпоха назревающей автоматизации не только производства, но и человеческих действий. В таком процессе машины сливаются в один легко трансформируемый “организм”, а работник выталкивается вовне производства, в свободное пространство рядом с заводом

или фабрикой» [1: 32]. Здесь, наверное, к характеристике историко-культурного содержания XX века, данной В. С. Библером, следует присовокупить предположение о том, что так потрясающие наше воображение социальные катаклизмы есть неожиданное нелинейное следствие тихих и глубоких сдвигов в производительных силах и производственных отношениях (выражаясь категориями марксистской социологии). Этими негромкими тектоническими импульсами, которые «впервые во всей широте понял Карл Маркс», стали бурно развивающиеся наука и техника, перевернувшие весь уклад человечества, начиная с XVII–XVIII вв. н. э. [12: 99–140].

Карл Ясперс справедливо указывает: «В наши дни стало совершенно очевидным, что от характера труда и его разделения зависят структура общества и жизнь людей во всех ее разветвлениях. Это понимал уже Гегель, а Маркс и Энгельс разработали это положение в своей теории, имеющей эпохальное значение» [12: 124]. Но «возводить эту связь в ранг монокаузального понимания человеческой истории, безусловно, неверно. Однако тот факт, что после трудов Маркса и Энгельса такая попытка делалась, объясняется громадным, более чем когда-либо ощутимым значением, которое эта связь обрела в нашу эпоху» [12: 124]. Критикуя попытку монокаузального вульгарного экономического понимания человеческой истории, К. Ясперс опирается на мысль Г. В. Ф. Гегеля о природе труда как некоторого культа, находящего свое выражение в многообразии форм духовной жертвенности. Тем самым Гегель, по мнению К. Ясперса, «указывает на такие возможности и такое значение труда, которые в настоящее время почти забыты... Смысл труда значительно глубже» [12: 125]. И, наконец, более определенно о значении и смысле труда К. Ясперс замечает следующее: «Желание работать, если это не просто желание использовать силу своих мускулов или свое умение, обусловлено осознанием того, что мы участвуем в создании своей среды. Трудящийся познает самого себя в зеркале того, что им произведено. Его охватывает радость от ощущения, что он живет общей жизнью с другими людьми в сообща построенном ими мире, участвует в создании чего-то прочно существующего» [12: 124].

Иными словами, упускаемой из виду существенной характеристикой человеческого труда является творческая радость как апофеоз коллективного созидания.

Вместе с тем (по Ясперсу) влияние бурно развивающихся в последние 300 лет науки и техники на структуру и смысл трудовой деятельности человека существенны и неоднозначны. Их противоречивость выражается в следующих постулатах:

1. «Техника сокращает затраты труда, но вместе с тем усиливает его интенсивность...Труд просто оттесняется в другие области. Он изменяется, а не устраняется» [12: 125–126].

2. «Техника меняет характер труда. Величину творческого соиздания противостоит в техническом мире зависимость нетворческого применения результатов этих творческих исканий. Открытие возникает как следствие досуга, внезапного озарения, упорства, а применение его требует повторяющейся работы, распорядка, надежности» [12: 126–127].

3. «Техника требует достаточно крупной организации. Лишь на значительных по своей величине предприятиях может быть достигнута и достаточно экономно осуществлена техническая цель... В этих крупных предприятиях человек полностью зависит от крупной организации, в которой он работает, и от места, которое он в ней занимает...» [12: 127].

Выводы, которые Карл Ясперс делает из своего анализа социокультурного пространства современных развитых обществ-государств, лишь подчеркивают культурно-антропологическое оскудение человеческой культурной основы – творческой личности, ее трансформацию в элемент унылого индустриального пейзажа: «Жизнь человека в качестве части машины легче всего характеризовать в сопоставлении ее с прежней его жизнью: человек лишается корней; теряет почву и родину, для того чтобы обрести место у машины: причем даже предоставленный ему дом и участок земли уподобляются машинам – они преходящи, взаимозаменяемы, это уже не ландшафт, не прежнее пребывание дома. Поверхность земного шара на наших глазах превращается в машинный ландшафт. Горизонт человеческой жизни необычайно сужается как по отношению к прошлому, так и по отношению к будущему; человек теряет традиции и перестает искать конечную цель, он живет только в настоящем» [12: 128]. Можно признать заслуживающей самого пристального внимания эту диагностику Карлом Ясперсом современного ему социокультурного пространства XX в. как мира, окрашенного мировым техническим переворотом, «усредняющим» человека, превращающим

его в знаменитые «колесико и винтик» (термин Й. В. Сталина) общего социального прогресса: «С технической эпохой действительно связан глубокий кризис. Маркс и Энгельс пришли к своим поразительным выводам потому, что сумели увидеть это новое. Однако это новое было отнюдь не духовным обновлением бытия. В этом и заключается корень ошибки. Речь шла о новом сознании человека, о новом человеке, о духовном творчестве, об истине и благе, перед взором людей возникло сияющее будущее; и, тем не менее, всё это было, прежде всего, *tabula rasa*, растущая утрата сознания. Нечто, не заполненное идеей, шумно пропагандировалось в качестве самой идеи» [12: 150]. Обобщения Карла Ясперса в его работе «Смысл и назначение истории» плодотворны для понимания современности, несмотря на общую минорную тональность проведённого им анализа мировой социокультурной среды, сводимой к трём основным культурным тенденциям:

- настойчивого требования масс об установлении справедливого порядка, чему соответствует социалистическое устройство общества;
- сложившегося единства нашей планеты и потребности осуществления его в рамках мирного существования (мировой империи либо мирового порядка);
- утраты человеком традиционной опоры в субстанции всеобщей веры, что побуждает обратиться к подлинным истокам веры в человеческой душе.

К. Ясперс обозначил точку развивающейся альтернативности выхода из дрящущего гуманистического тупика – «возникает альтернатива – нигилизм или любовь». Надо отметить, что в постановке вопроса, связывающей перспективы человеческих обществ с проявлением позитивной девиации Карл Ясперс находится в согласии с линией исследователей, утверждавших особое значение для общественной организации солидарности. К таковым относится один из отцов современной социологии и культурологии Эмиль Дюркгейм, основным ответом которого на проблему напряжённого соотношения индивидуального и коллективного в обществе как раз и стала теория солидарности [11]. Пётр Алексеевич Кропоткин в своем незаконченном труде «Этика. Происхождение и развитие нравственности» также проводил мысль о едином для биологических и социальных форм жизни (с точки зрения П. А. Кропоткина) законе солидарности, взаимной помощи и поддержки. Взаимная помощь и солидарность по П. А. Кропоткину

и есть двигатели общественного прогресса. Питирим Сорокин в 1949 г. при финансовой поддержке известного филантропа Ели Лилли создал Гарвардский центр по изучению созидательного альтруизма, который проводил исследования источников и влияния созидательного альтруизма.

Таким образом, исходя из сущностных характеристик социокультурного пространства XX в., «новый человек», вероятнее всего, должен был получить свое персональное воплощение в рамках, заданных научно-техническим прогрессом, который, по мнению многих исследователей, и составлял смысл социокультурных процессов XX в. [2]. «Новым человеком» мог оказаться ученый, инженер, бюрократ. В своей этической проекции «новый человек», предположительно, мог обнаружить себя человеком, не укладывающимся в «прописи» современной ему морали, но он предстал нам человеком безусловного нравственного выбора и поступка. В деятельности своем проявлении «новый человек», скорее всего, обнаруживал черты созидательного альтруизма и тяготения к радости творческого коллективного труда. Кто эти люди, раскрывающие своим биографическим опытом явление «нового человека», сколько их можно отметить в истории России и региона, каким образом влияли они на социокультурный процесс в XX в. – эти вопросы могут получить свой ответ в более пространном исследовании.

1. Библер В. С. Нравственность. Культура. Современность (Философские размышления о жизненных проблемах). М.: Знание, 1990. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Этика»; № 4).

2. Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. М.: Наука, 1988.

3. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Гос. изд-во пол. лит-ры, 1945.

4. Каган М. С. Общая характеристика культуры, ее строения и функций: сайт. URL: <http://n355317.narod.ru/cultura/lekcii/10b.htm> (дата обращения 02.01.2014).

5. Кара-Мурза С. Советская цивилизация. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. (Русский век).

6. Межуев В. М. Размышления о культуре и культурологии: культурология в контексте современного гуманитарного знания // Культурологический журнал: электронное периодическое рецензируемое научное издание.

2011. № 2(4): сайт. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/72.html&j_id=6 (дата обращения 02.01.2014).

7. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вступит., статья и комментарии В. В. Сапова. М.: Астрель, 2006.

8. Фадеева И. Е. Метасимволика культурных пространств: локальный текст в измерении цивилизационной системы // Человек. Культура. Образование. 2013. № 4 (6). С.73–88.

9. Эванс Р. Третий рейх: Зарождение империи / Ричард Эванс; пер., англ. Б. Кобрицова. Екатеринбург: У-Фактория; М: Астрель, 2011.

10. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 21.

11. Юдин Г. Коллективное и индивидуальное в антропологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение, Т. 12, № 2. 2013.

12. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер., с нем. 2-е изд. М.: Республика, 1994. (Мыслители XX века).

М. Н. Сопова

Театрализация пространства детской игры и теория Николая Евреинова

УДК 008+37.032

На основе анализа теории театрализации Николая Евреинова в статье предлагается новый взгляд на проблему детской игры и игрушки. Автор пытается определить место детской игры в свете категории «театра для себя» Н. Евреинова, что позволяет найти дополнительные обоснования особого значения детства в развитии личности ребенка. Специальное внимание отводится театрализации пространства детской игры.

Ключевые слова: театрализация, театр для себя, детская игра, игрушка, ребенок.

M. N. Sopova. Theatralization of the space of children's play and the theory of Nicolay Evreinov

The article offers a new view on the problem of children's toys and games. This research relies on the theory of theater of Nic. Evreinov. The